

Доктор Дэвид А. де Сильва , Послание к Евреям, Сессия 1а, Введение в «Послание к Евреям»: кто, что и почему проповедь (часть 1)

© 2024 Дэвид де Сильва и Тед Хильдебрандт

Когда спрашивают, какая ваша любимая книга Нового Завета? Немногие отвечают: Евреям. Послание к Евреям может показаться недоступным, с его сложным исследованием левитского культа и ритуала дня искупления, и его попытками связать их с работой Иисуса, или его обширной и для современного уха часто странной интерпретацией самых разных отрывков Ветхого Завета. Это во многих отношениях загадочный текст, и требуется большая работа по знакомству с Ветхим Заветом заново, чтобы оценить, в чем на самом деле заключается послание Евреям.

Однако Послание к Евреям является очень важной частью нашего канона, и оно вносит свой особый вклад в формирование христианского богословия и видения ученичества. Поэтому оно вознаграждает наше пристальное изучение во многих отношениях. Одна из вещей, которую Послание к Евреям дает нам, в отличие от любого другого текста Нового Завета и в большей глубине, чем он, — это взгляд на личность и достижения Иисуса за пределами сферы его земного служения.

Автор Послания к Евреям довольно подробно говорит о деятельности Сына до того, как Слово стало плотью. Он предоставил ранней церкви некоторые очень важные отправные точки для разработки христологии того, чем был Сын, так сказать, до своего воплощения в лице Иисуса. Автор Послания к Евреям дает теологическое размышление о значении смерти и вознесения Иисуса способами, которые значительно продвинули раннюю церковь вперед в развитии ее доктрин искупления и ее понимания значимости распятия и его последствий, смерти и воскресения Иисуса, для наших отношений с Богом и для вступления в новый завет.

Послание к Евреям также в большей степени исследует важность Ветхого Завета как свидетельства об Иисусе. Теперь любой читатель Евангелия также сталкивается с этой темой. Любой читатель послания Павла сталкивается с этой темой.

Но автор Послания к Евреям особенно далеко заходит в том, куда он идет в Ветхом Завете, чтобы найти свидетельства того, что Бог сделает в лице Сына. Таким образом, он представляет нам отличительную герменевтику Ветхого

Завета, посредством которой в некоторых случаях мы находим более широкий смысл, более полный смысл текста Ветхого Завета, читая его как адресованный Сыну, или как о Сыне, или даже, что самое необычное, вложенный в уста Сына. Послание к Евреям, вероятно, наиболее известно своей главой о вере, которая представляет собой парад героев тех, кто продемонстрировал добродетель веры в этом мире.

В главе 11, а также и в других отрывках, Послание к Евреям может многое рассказать нам о природе веры, о том, как вера ведет себя и как выглядит вера в действии в этом мире. Поэтому оно становится важным ресурсом для размышлений о христианской этике и нашем ответе Богу. Послание к Евреям также уделяет достаточно внимания космологии, вопросам о высшей реальности, о том, как устроен космос, и, следовательно, о том, как мы мудро ориентируемся в этой нынешней видимой реальности.

Наконец, автор Послания к Евреям, из-за характера проблем, с которыми сталкивается его собственная община, уделяет много внимания проблеме страдания, вечно важной проблеме в христианском опыте. Он рассматривает, в частности, как интерпретировать опыт страдания, когда это страдание является результатом послушания Божьему призыву. Он предоставляет церкви в каждом последующем веке ресурсы для понимания страдания ради верности и послушания Иисусу таким образом, чтобы иметь возможность противостоять ему и даже торжествовать через него.

В Послании к Евреям также представлены вызовы, которые должны услышать христиане всех возрастов, если их ученичество должно быть полноценным. Во-первых, Послание к Евреям — это призыв к благодарности, к признанию не только того, что Бог был милостив, но и того, что благодать Божья возложила на нас определенные обязательства реагировать способами, которые в конечном итоге идут нам на пользу, поскольку мы позволяем Божьей благодати и Божьей доброте влиять на нашу жизнь, превращая нас в людей, которые будут чтить Бога, оставаться верными Богу и служить Ему. Послание к Евреям — это также призыв презирать стыд в смысле обретения свободы от жизни ради одобрения тех, кто сам не ориентирован на Бога.

Поэтому Послание к Евреям постоянно бросает вызов церкви в каждом веке жить ради аплодисментов небес и не отвлекаться и не сбиваться с пути из-за беспокойства об одобрении в этой жизни. Наконец, Послание к Евреям также уделяет значительное внимание важности формирования адекватно поддерживающей христианской общины. Если отдельные ученики собираются быть в состоянии упорствовать в ученичестве или смогут пробежать гонку, которая им уготована в нашем все более приватизированном и индивидуализированном мире, это особенно важный вызов, который стоит услышать от этого древнего проповедника.

Одной из загадок Послания к Евреям является его авторство. Обычно предполагалось, что Послание к Евреям было письмом Павла, несмотря на тот факт, что сам текст от начала до конца анонимен. Тем не менее, предполагается авторство Павла, как в названии, данном этому письму в версии короля Якова, Послание Павла к Евреям.

Это предположение древнее. В рукописи, известной только как P46, папирус номер 46, раннем папирусном сборнике писем Павла, датируемом примерно 200 годом, переписчик поместил Послание к Евреям сразу после Послания к Римлянам, отдавая ему второе место в корпусе Павла. Несомненно, ссылка на Тимофея в Послании к Евреям, глава 13, стих 23, способствовала этой тенденции.

Тимофей был, конечно, известным спутником Павла в путешествиях и миссионерстве и очень часто соавтором или соавтором известных посланий Павла. Однако крайне маловероятно, что Павел написал Послание к Евреям. Во-первых, автор Послания к Евреям говорит как человек, обращенный к вере во Христа проповедью других.

Он ясно говорит об этом в главе 2, стихах 3 и 4. Павел, с другой стороны, непреклонен в том, что он стал верующим и апостолом не через какое-либо человеческое посредничество, а через прямое вмешательство Бога. Галатам 1:11-17 и 1 Коринфянам 15:3-10 подчеркивают этот момент, и Павел даже дает клятву об этом в Галатам. Было бы крайне маловероятно, чтобы Павел признал в Послании к Евреям, что на самом деле именно проповедь свидетелей Христа обратила его, поскольку это несовместимо с собственными непреклонными заявлениями Павла в других местах.

Вторым фактором, делающим крайне маловероятным, что Павел написал это письмо, является очевидная приверженность автора риторическому искусству. Это противоречит собственной философии проповеди Павла. В 1 Коринфянам, глава 2, стихи 1-5, Павел пишет, что он проповедовал, цитата, не в высоте слова или мудрости, конец цитаты, чтобы убеждение коринфян не основывалось на искусстве оратора, а на убеждении Святого Духа.

Автор Послания к Евреям, однако, свободно и повсеместно использует искусство риторического украшения, чтобы усладить уши своих слушателей и помочь им поверить и почувствовать, что они слушают проповедь высококвалифицированного оратора, в чем Павла никогда не обвиняют и не приписывают в его существующих посланиях, как совершенно ясно показывает 2 Коринфянам. Споры о каноничности Послания к Евреям также раскрывают основную неуверенность ранней церкви в авторстве письма. Если бы было достоверно известно, что письмо было написано рукой Павла, оно получило бы

более широкое признание как апостольский и, следовательно, канонический текст как в Западной, так и в Восточной церквях.

Однако это было предметом серьезных споров вплоть до конца четвертого века. Этот спор также раскрывает мотив утверждения авторства Павла со стороны тех, кто считал письмо авторитетным, поскольку это утверждение увеличивало шансы на его признание всей церковью. Две вещи кажутся определенными относительно авторства Послания к Евреям.

Павел не писал его, но кто-то из круга Павла написал. Ориген, Климент Александрийский, Тертуллиан и другие ранние отцы церкви, если они не приписывают работу Павлу, приписывают ее кому-то, кто был тесно связан с Павлом. Опять же, это, вероятно, лучший способ прочесть ссылку на Тимофея в главе 13, стихе 23.

Я хочу, чтобы вы знали, что наш брат Тимофей был освобожден, и если он придет вовремя, он будет со мной, когда я увижу вас. Один из соратников Павла все еще пытается координировать свои действия с другим соратником Павла, а именно Тимофеем. Тертуллиан, латинский отец церкви конца второго и начала третьего века, отдавал предпочтение Варнаве как кандидату на авторство здесь, поскольку было известно, что Варнава был левитом, и, конечно, левитское священство является важной темой в Послании к Евреям.

Аполлоса также часто предлагали, потому что он упоминается в Деяниях, глава 18, стих 24, как *honor logios*, искусный оратор. Риторические способности Аполлоса также стоят за его популярностью среди коринфских церквей, особенно среди тех, кто критиковал Павла за его слабость в речах. В последние десятилетия стало популярным выдвигать в качестве автора Приску, или Прискиллу, которая приложила руку к обучению самого Аполлоса вере и половине видной миссионерской пары в кругу Павла.

Как бы ни было желательно иметь текст Нового Завета из рук женщины-лидера ранней церкви, есть определенные указания против этого. Наиболее показательным из них является причастие в Послании к Евреям, глава 11, стих 32. В греческом языке причастия и прилагательные имеют род.

Они бывают мужского, женского или среднего рода, в зависимости от того, что они описывают. Автор Послания к Евреям использует причастие мужского рода, когда говорит о себе. Во-первых, невозможно, чтобы автор, который так хорошо разбирается в греческом, как автор Послания к Евреям, просто допустил эту ошибку, но также крайне маловероятно, чтобы женщина-учитель в первом веке пыталась скрыть свой пол, выдавая себя за мужчину-проповедника.

Ранняя церковь была открыта для женщин-учителей. Но что еще более показательно, автор Послания к Евреям знает, что аудитория Послания к Евреям знает этого проповедника лично по предыдущим встречам, как мы узнаем из главы 13, стих 19, где предложение, надеюсь быть восстановленным для вас, указывает на более раннее время, когда автор и аудитория были вместе. Таким образом, их не обманешь относительно пола проповедника.

Таким образом, если бы это была Приска или Присцилла, у нее не было бы причин использовать мужское причастие, чтобы как-то замаскировать свою личность. В конце концов, решение Оригена об авторстве Послания к евреям остается самым обоснованным. Но кто написал послание? Бог знает.

Мы не знаем, кто из довольно большой команды служителей Павла мог написать эту проповедь, и мы в конечном итоге ничего не выигрываем, рискуя предположить. Даже если мы не знаем имени автора Послания к Евреям, мы можем узнать о нем кое-что важное. Во-первых, он был хорошо образованным человеком.

Среди всех авторов Нового Завета автор Послания к Евреям выделяется как мастер греческого языка. Мы находим это в его либеральном использовании причастий, включая множество родительных абсолютных конструкций и одно из немногих будущих причастий во всем Новом Завете. Он также склонен к тому, что грамматика называют гипотаксическим синтаксисом.

Это означает обширное использование подчинительных предложений, что показывает более высокий уровень сложности с точки зрения его легкости в греческом языке. Марк, автор второго евангелия, напротив, использует паратактический синтаксис. Он связывает свои мысли и предложения вместе союзами, а не подчиняет одно другому.

То есть, использование Марком греческого языка гораздо больше, чем можно было бы ожидать от человека, который изучал греческий как второй язык и, возможно, так и не освоился с сочинением на этом языке. С другой стороны, автор Послания к евреям использует греческий язык как носитель языка. Он также приводит доказательства того, что имел формальное обучение искусству риторики, по крайней мере на догимназическом уровне.

То есть на уровне обучения в греко-римской образовательной системе до того, что мы бы считали образованием на уровне колледжа или университета. Теперь, это очень спорный вопрос в изучении Нового Завета, можно ли сказать об авторе, что он имел формальное обучение риторике на любом уровне. Однако в отношении автора Послания к Евреям, здесь меньше места для споров, чем, например, с такими авторами, как Марк или Иоанн.

Например, в учебниках этого догимназического уровня образования учебники, называемые *pro- gymnasmatá*, представляют собой упражнения по разработке темы или раздела, которые проходят через ряд аргументативных шагов. Этот вид упражнений является основополагающим для *pro- gymnasmiac* обучения. Типичное упражнение в риторической школе включало в себя взятие высказывания известного человека или части пословицы или выдвижение тезиса и разработку ряда аргументов в его поддержку.

Схема выглядела примерно так. Сначала введение в тему, затем утверждение, которое должно быть аргументировано. Затем утверждение подкрепляется обоснованием.

Затем утверждение подкрепляется аргументом от противного, то есть, если бы утверждение не было истинным, то это было бы так. Но поскольку это не так, утверждение должно быть истинным. Затем следует аргумент от сравнения или аналогии, обращающийся к другой области человеческого опыта, где базовая логика утверждения демонстрируется как своего рода подтверждающее доказательство.

Затем можно привести исторический пример или прецедент, когда утверждение оказалось верным в случае с какой-то знаменитой личностью или событием в прошлом. За этим, в свою очередь, может последовать цитата из уважаемого авторитета, кого-то, чей голос имеет вес в культуре, а затем закончить переформулированием тезиса или призывом действовать в соответствии с этим утверждением. Эта базовая модель появляется в нескольких сохранившихся учебниках *pro- gymnasmatá*, а также в руководствах по риторике, таких как *rhetorica* объявление геренион, приписываемый Цицерону.

Мы находим именно этот образец школьной книги, используемый в Послании к Евреям, глава 12, стихи 5-11, с очень незначительными изменениями. В этом отрывке автор предлагает введение к своему тезису. Вы забыли увещевание, которое обращается к вам как к сыновьям.

Сам тезис взят из цитаты из Притчей. Сын мой, не относись легкомысленно к формирующей дисциплине, пайдейе, Господа, и не теряй мужества, когда он тебя укоряет. Затем этот тезис подкрепляется обоснованием, которое также является частью этой цитаты из Притчей.

Ибо кого любит Господь, того наказывает; наказывает всякого сына, которого принимает. Автор следует за этим перефразированием тезиса, как это принято в этих упражнениях. Итак, терпите ради формирующей дисциплины.

Бог относится к вам как к сыновьям. Затем он добавляет подтверждение обоснования, то есть, еще одно обоснование, поддерживающее обоснование, здесь апеллируя к общему опыту аудитории в воспитании и воспитании самих себя. Ибо кто тот сын, которого отец не наказывает? После этого мы находим аргумент от противного.

Если у вас нет формирующей дисциплины, в которой все дети стали участниками, то вы незаконные и не истинные сыновья. Это, в свою очередь, следует за аргументом от сравнения или аналогии. В этом случае это очень близкая аналогия, обращенная к сфере естественных биологических родителей, чтобы говорить о божественном родителе.

Поскольку у нас были наши биологические отцы в качестве воспитателей и мы оказывали им почтение, не тем ли более должны мы подчиняться отцу духов и жить? Этот аргумент по аналогии, в свою очередь, подкрепляется другим обоснованием. Ибо они наказывали нас несколько дней, как им казалось лучшим, но он наказывает нас для нашей пользы, чтобы мы могли разделить его святость. Затем автор завершает все это заключением, которое включает цитату стандартной максимы.

Всякое формирующее воспитание, пока оно есть, кажется не радостным, а печальным, но после доставляет мирный плод праведности тем, кто обучен через него. Максима, лежащая в основе этого стиха, на самом деле часто встречается в древних образовательных текстах, иногда приписываемых Исократу, иногда Аристотелю. Корни воспитания горьки, но плод его сладок.

Автор изменил и расширил эту максиму, которая сама по себе является еще одним из подготовительных упражнений по композиции в этих учебниках, но она все еще ясно видна здесь. Автор даже сохранил два ключевых слова: дисциплина или образование, *paideia*, и плод, *karpos*. Таким образом, автор Послания к евреям демонстрирует ясное знание и мастерство предварительной модели риторической аргументации, используя ее с умеренными вариациями.

Например, добавление рациональных аргументов к аргументу от сравнения, завершение его известным изречением, которое само по себе было в основе древнего образования. Во всех этих отношениях автор показывает, что у него была прочная образовательная основа как основа его гомилетического совершенства. Рассмотрение риторического мастерства автора поднимает вопрос о том, что на самом деле представляет собой Послание к евреям и как нам следует думать об этом фрагменте сообщения.

Обычно мы называем его посланием к Евреям или посланием к Евреям, по аналогии с посланием Павла к Галатам или посланием к Филиппийцам. Однако послание к Евреям не начинается так, как обычно начинается письмо, с того, что

отправитель называет себя и своих адресатов и передает приветствия. Вместо этого типичного начала письма мы находим отточенное вступительное заявление, которое, кажется, было рассчитано на то, чтобы оказать сильное воздействие на слушателей и звучать красиво для их ушей.

Бог, говоривший издавна нашим предкам через пророков разнообразным и отрывочным образом, в эти самые последние дни говорил с нами в Сыне, Которого Он назначил наследником всего, через Которого Он и веки сотворил, Который, будучи сиянием славы Божией и отпечатком самой сущности Божией, поддерживая все Своим могущественным словом, совершив очищение грехов, воссел одесную величия на высотах. В этом вступлении автор использует несколько риторических приемов, известных из древних риторических руководств, которые носят чисто декоративный характер. Во-первых, первые 12 слов проповеди на греческом языке приветствуют слушателей поразительным использованием аллитерации.

Аллитерация — очень распространенный прием, который проповедники до сих пор используют и любят. Начальный согласный используется несколько раз, возможно, чтобы выделить основные моменты проповеди. Здесь наш автор использует аллитерацию пять раз в 12 словах, чтобы украсить вступительный стих, повторяя этот звук Ρ. Два параллельных предложения всего через два стиха в главе первой, стихе третьей, используют другие узнаваемые древние стилистические приемы.

Они называются homo- arcton и homo- taluton , начинают или заканчивают слова или фразы с той же серии звуков, чтобы создать внутренние рифмы. Таким образом, в главе первой, стихе третьем, мы имеем эти повторяющиеся каденции. Это украшения, которые предполагают второй уровень внимания к риторическому мастерству, но также поддерживают для нас осознание автором того, что то, что он создает, является не столько текстом, сколько высказыванием, произведением для устной передачи, которое должно быть услышано и оценено ухом, а не глазом.

Это начало также использует риторический прием антитезы, конструируя предложения с несколькими элементами, каждый из которых контрастирует с соответствующим членом в другом предложении. Таким образом, автор говорит , что в старые времена Бог говорил с предками через пророков. Затем, в следующем антитетическом предложении, в эти последние дни, он говорил с нами в сыне.

Таким образом, автор создает приятный, художественный баланс между тем, как Бог говорил раньше, и тем, как Бог говорит сейчас, передавая содержание красиво и художественно. Во многих таких случаях автор дает свидетельство риторической подготовки даже за пределами базового уровня pro- gymnasmatā

. Автор также уделяет внимание на протяжении всей своей проповеди предполагаемым актам говорения и слушания, а не чтения глазами.

То есть, от начала до конца он прекрасно осознает, что его послание — это устное послание, которое будет услышано, а не письменное послание, которое будет прочитано. Поэтому мы читаем, по иронии судьбы, об этом, и у нас есть много того, что трудно объяснить, поскольку вы стали вялыми в слухе. Или, поэтому, как говорит Святой Дух, сегодня, когда услышите голос Его, не ожесточите сердца ваших.

Или вот, Бог не подчинил грядущий мир, о котором мы говорим, ангелам. И немного позже в проповеди, хотя мы и говорим так, возлюбленные, мы надеемся на лучшее в вашем случае. Автор показывает этим, что он составляет проповедь к евреям, сознавая устную передачу сообщения и ораторский характер ее составления.

Что-то еще в авторе Послания к евреям, что ясно видно в его проповеди, это его культурное местоположение. Если бы мы допустили, что у него был определенный уровень формальной риторической подготовки, из этого не следовало бы, что эта подготовка проходила в какой-то греко-римской или языческой школе. Напротив, от начала до конца он рисует картину того, что в ходе своего воспитания он в первую очередь находился в еврейской среде.

Ветхий Завет предоставляет нашему автору основной набор культурных ресурсов. Однако нам очень важно помнить, что он использует Ветхий Завет в первую очередь в его греческом переводе, обычно называемом Септуагинтой. Септуагинта была очень ранним проектом перевода, предпринятым грекоязычными евреями в интересах еврейского населения за пределами Иудеи, для которого греческий стал основным языком и которое в значительной степени оставило позади свой родовой язык.

Первые пять книг, Книги Закона, вероятно, были доступны на греческом языке уже в 250 году до нашей эры. Теперь каждый акт перевода вносит некоторое расстояние от оригинала. Даже древние авторы, такие как переводчик апокрифической книги, Мудрость Бен Сираха, демонстрируют осознание этого расстояния.

Переводчик, внук Бен Сираха, свободно владел как ивритом, так и греческим. Переведя работу своего деда с иврита на греческий, он извиняется за некоторые места, где он мог ошибиться или упустить нюанс, который его дед пытался передать. В прологе к своему переводу он говорит нам, что даже Закон и Пророки и другие книги показывают дистанцию в переводе от оригинала.

Расстояние, введенное между еврейским текстом Ветхого Завета и греческим переводом, Септуагинтой, является тем, что автор Послания к евреям использует в ходе своей аргументации. Например, в еврейском тексте Псалма 8 мы читаем: Ты сделал его, человека, немного ниже ангелов. В еврейском языке слово немного недвусмысленно обозначает место ниже на лестнице творения.

Но в греческом языке есть некоторая двусмысленность. Это может означать меньшее пространственное расстояние или немного времени. Автор Послания к Евреям может извлечь выгоду из этой двусмысленности, чтобы превратить Псалом 8 в свидетельство воплощения Иисуса, когда на короткое время, на короткий промежуток времени его земной жизни, солнце было сделано ниже ангелов.

Что еще более поразительно, автор цитирует Псалом 40 в Послании к Евреям 10 как краугольный камень своего аргумента о принесении Иисусом себя в жертву, которая была приемлема для Бога на уровне и в степени, которых никогда не могли достичь жертвоприношения животных, предписанные в Левите. В еврейском тексте Псалма 40 мы читаем: жертвы и приношения Ты не восхотел, но Ты выкопал Мне колосья. Итак, этот образ выкапывания колосьев, конечно, напоминает историю сотворения из Бытия 2, где Бог создал людей из праха земного, из грязи, так сказать, вылепив ее.

И, конечно, смысл текста в том, что, сотворив уши, Ты хочешь, чтобы я слушал закон Твой и исполнял его. Греческая версия этого Псалма дает нечто совсем иное: не уши Ты выкопал мне, но тело Ты уготовил мне. Вероятно, говорящему по-гречески еврею, который перевел этот Псалом, не понравился образ Бога, выкапывающего уши, и поэтому он обобщил его до этой фразы: тело, которое Ты уготовил мне, все еще ссылаясь на Божий акт сотворения человека и все еще подразумевая тело, с помощью которого можно действовать в послушании Твоим повелениям, о Боже.

Но автор Послания к Евреям видит в этом переводе возможность поговорить гораздо более конкретно об одном конкретном теле, которое приготовил Бог, а именно о теле, которое Сын принял как Иисус. В ряде таких способов мы обнаружим, что Ветхий Завет в своем греческом переводе дает автору экзегетические и теологические плоды, которые мог бы не дать оригинальный еврейский текст. Автор предполагает, что аудитория разделяет понимание текста Септуагинты и, что еще важнее, разделяет приверженность авторитету этих текстов как Божьих оракулов.

Это в конечном итоге источник авторитета самого автора, когда он читает свою проповедь. Он ожидает, что его услышат и он будет убедителен в той степени, в которой он обосновывает свое собственное послание и свои собственные увещевания в своем толковании этих общих священных текстов. Что очень

интересно в Послании к Евреям, так это то, как автор интерпретирует многие из этих текстов.

Автор показывает нам, прежде всего, как разрозненное и частичное свидетельство Бога через пророков и псалмы становится единым свидетельством действий Бога в мире в Сыне, в личности и деятельности Иисуса. Уже в Послании к Евреям, глава 1, стихи 5-13, мы сталкиваемся с потоком стихов из Ветхого Завета, которые, по мнению автора, обретают свое значение в связи с Иисусом, и он показывает нам, что есть что-то от его герменевтики, его интерпретационных стратегий, с которыми мы столкнемся на протяжении всей его проповеди. Тексты Ветхого Завета раскрывают ему свое значение, когда они читаются как сказанные Сыну, как сказанные о Сыне, а в некоторых случаях, даже когда они сказаны Сыном, то есть когда они вложены в собственные уста Иисуса.

Автор также работает с типологической интерпретацией текстов Ветхого Завета. Это означает, что он находит в Ветхом Завете фигуры или действия, которые, по его мнению, указывают на Сына и его дела, которые являются тенями и намеками на Сына и его достижения, которые были объявлены задолго до его появления на земной сцене. Например, он рассматривает Моисея как тип или модель для Иисуса, грядущего посредника.

Аналогичным образом он рассматривает левитское священство, его персонал, его ритуалы и его священные места как тип или модель, на основе которой можно говорить о священстве Иисуса и последствиях смерти Иисуса для нас. Это также открывает автору возможность создания увещаний для своей аудитории на основе типа. Например, на основе истории поколения Исхода и его плохого ответа Моисею и Божьим обещаниям помочь его собственной аудитории понять, как им нужно реагировать на окончательное посредничество Иисуса.

Автор также преследует моральную интерпретацию Ветхого Завета от начала до конца, показывая нам, как он использует примеры Ветхого Завета как положительные, так и отрицательные модели того, как отвечать Богу. Хотя можно сказать, что основным культурным местоположением автора является мир еврейских писаний, из которого он черпает больше всего остального, автор также показывает себя гражданином греко-римского мира. Это не противоречит его местоположению как иудея-христианина, а соответствует его местоположению как эллинистического иудея-христианина, человека, воспитанного в более обширной греко-римской среде, которая повлияла на то, как иудаизм выглядит везде, где его можно найти в средиземноморском мире первого века нашей эры.

Один из примеров появляется в использовании автором греко-римской педагогической мудрости. В главе 5, стихе 8 автор говорит, что Иисус, цитата, научился послушанию через то, что он страдал или через то, что он пережил. В этом стихе мы находим греческие слова *emarthen* и *erarthen*, слова, которые составляли распространенную максиму в древнем мире, учащую тому, что мудрость приходит через страдание или обучение приходит через опыт.

Erarthen, *emarthen*, он страдал, он учился. Эту максиму можно найти в трудах Эсхила, Геродота и многих других авторов классической греческой, эллинистической и римской эпох. Автор также показывает свою укорененность в греко-римской культуре, когда говорит об этапах и прогрессе в обучении, идее о том, что существует начальная стадия образования и более продвинутая стадия образования, используя образы питья молока и употребления твердой пищи, создавая аналогию между воспитанием детей на биологическом уровне с воспитанием или образованием детей на педагогическом уровне.

Итак, он пишет в главе 5, стихах 11-14: вы стали ленивы в слышании, ибо хотя вам и надлежало бы быть учителями, по причине прошедшего времени, но вы снова имеете нужду, чтобы кто-нибудь продолжал учить вас самым основным началам начального уровня слов Божиих. Вы оказались более нуждающимися в молоке, чем в твердой пище, ибо всякий, питающийся молоком, несведущ в слове правды, потому что он младенец. Твердая же пища свойственна совершенным, у которых чувства постоянным упражнением приучены к различению благородного и незнатного.

Греко-римские авторы также используют аналогию молока и мяса или молока и твердой пищи в качестве образа уровней обучения. Так, например, философ-стоик конца первого, начала второго века Эпиктет пишет: «Не желаете ли вы в это позднее время, как дети, быть отнятыми от груди и принимать более твердую пищу?» Или, опять же, вы получили философские принципы, которые вам следует принять, и вы их приняли. Какого же учителя вы все еще ждете, чтобы откладывать себя, чтобы откладывать свое исправление до его прихода? Вы уже не юноша, а уже взрослый человек.

Более того, и Эпиктет, и автор Послания к евреям используют эти метафоры специально для того, чтобы пристыдить слушателей за то, что они не соответствуют тому, где они должны быть, и мотивировать их доказать свою зрелость готовностью соответствовать ожиданиям, сформулированным автором для зрелых. В том же отрывке мы находим автора Послания к евреям, описывающего зрелого верующего как человека, который оснащен для различения благородного и низменного. Это включает в себя стандартное определение добродетели мудрости, одной из четырех основных добродетелей, пропагандируемых платониками и стоиками.

Зрелый человек, который достиг достаточного прогресса в формирующей дисциплине, предлагаемой философской школой, группой, к которой он или она присоединились, достиг мудрости. Он или она обладает интеллектом, способным к определенному рассудительному методу различения добра и зла, как говорит автор *Rhetorica ad helenium*. Во многих таких способах автор Послания к евреям включает культурные знания своего более обширного эллинского окружения в свое мышление и свою проповедь.

В какой-то момент автор представляет Иисуса не с точки зрения его еврейского наследия, а способами, напоминающими великого героя почти всех греческих и римских философских школ, а именно Сократа. В главе 2, стихах 14 и 15, автор Послания к евреям пишет: С тех пор дети разделяют общую плоть и кровь. Сам Сын также полностью разделяет те же вещи, чтобы смертью лишить силы имеющего державу смерти, а именно клеветника, и освободить тех, которые подлежат рабству всю жизнь страхом смерти.

С некоторой адаптацией здесь можно распознать отголоски того, как римский философ первого века Сенека изобразил Сократа, столкнувшегося со своей собственной смертью. Сократ отказался бежать, когда некоторые люди дали ему возможность освободить человечество от страха двух самых тяжелых вещей: смерти и заключения. Во втором веке сатирик Лукиан писал о некоем философе, который собирался поджечь себя, чтобы преподать своим ученикам тот же урок, которому Сократ преподавал своим ученикам.

Перегрин был именем этого конкретного бездельника-философа, и Лукиан пишет: В Послании к Евреям, глава 2, стихи 14 и 15, мы находим, что наш автор представляет Иисуса как человека, который принимает трудности и трудности самой смерти, чтобы освободить своих последователей от рабства страха смерти. Конечно, это соответствующим образом адаптировано для мировоззрения автора, чтобы включить Иисуса, сражающегося, по сути, с Сатаной, клеветником, которому приписывалось обладание силой смерти и использование ее для удержания детей Божьих в рабстве посредством страха. Еще одна грань греко-римской культуры, которая появляется в Послании к Евреям, - это атлетика.

В главе 12, стихах 1-4, в заключение своего восхваления героев веры автор Послания к Евреям создает прекрасную атлетическую метафору. Итак, имея вокруг себя такое облако зрителей, с терпением будем проходить предлежащее нам поприще, свергнув с себя всякое бремя и легко запинаящий грех, и взирая на начальника и совершителя веры Иисуса. Вы еще не до крови сражались с грехом.

В этих четырех коротких стихах мы видим образы состязания на стадионе, трибуны, полные зрителей, а также поединок по борьбе в последнем стихе,

поединок по борьбе с грехом. Автор привносит в свою проповедь образы, которые знакомы любому греческому городу. Легкая атлетика занимала видное место в древнегреческих или римских городах, так же как и в современных.

Автор использует эту грань греко-римской культуры, чтобы создать мощный образ, побуждающий его героев двигаться вперед в их приверженности именно христианской культуре и ее требованиям к ним. Итак, хотя мы можем не знать имени этого автора, мы знаем о нем несколько важных вещей. Он, по всей вероятности, был частью евангелической команды Павла.

Он был тем, кто был особенно хорошо обучен среди членов этой команды риторике, художественному выражению мысли с целью быть убедительным. Он был глубоко укоренен в писаниях Ветхого Завета, особенно потому, что эти писания существовали в древнем мире в греческом переводе. Он является гражданином греко-римского мира в той мере, в какой он опирался на его педагогическую, философскую и спортивную жизнь в ходе разработки своего отличительного представления значимости Иисуса и притязаний Иисуса на жизнь слушателей.